

*Я помню
её такой...*

Мои *Глеб*
Скороходов
Королевы
*Раневская, Зелёная,
Тельцер*

Я помню ее такой...

Глеб Скороходов

**Мои королевы: Раневская,
Зелёная, Пельтцер**

«Алисторус»

2016

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Скороходов Г. А.

Мои королевы: Раневская, Зелёная, Пельтцер /
Г. А. Скороходов — «Алисторус», 2016 — (Я помню ее такой...)

Говорят, призвание смешить и не быть посмешищем дано единицам. Фаина Раневская, Рина Зелёная, Татьяна Пельтцер умели вызывать и добрые улыбки, и залиvistый смех. А могли заставить и надолго замолчать в раздумьях... Образы, сыгранные этими блистательными комедийными актрисами, всегда будут вызывать восхищение. Фразы из фильмов, которые они придумывали прямо на съемочной площадке, становились крылатыми. Гениальная Фаина Раневская превратила в театрализованную трагикомедию даже собственную жизнь. Неповторимую Рину Зелёную помнят и любят по ролям черепахи Тортиллы в «Приключениях Буратино», миссис Хадсон в «Шерлоке Холмсе» и огромному количеству эпизодических, но запоминающихся ролей. Неувядающая Татьяна Пельтцер называла себя «счастливой старухой». В этом была ее жизненная правда: в семьдесят пять, играя самых разных бабушек, она прыгала с забора, танцевала на кровле дома, каталась на крыше троллейбуса. Их творческие биографии известны вроде бы вдоль и поперек. Тем ценнее для читателя будут наблюдения современника этих великих актрис, Глеба Скороходова, лично знавшего каждую. Книга также издавалась под названием "Женщины шутят. Раневская, Зеленая, Пельтцер"

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Скороходов Г. А., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Фаина Раневская. Королева комедий рассказывает...	6
Предисловие	6
Право гения	7
«Кинопанорама» и другие	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глеб Скороходов

Мои королевы: Раневская, Зелёная, Пельтцер

Фаина Раневская. Королева комедий рассказывает...

Предисловие

Автор хотел бы предупредить любезных читателей, что книга, которую вы открыли, хотя по форме и похожа на дневник, дневником ни в коем случае не является. Автор фиксировал свои впечатления, рассказы героини книги и диалоги с ней от случая к случаю. И делал это на протяжении пяти лет. Одно, без сомнения, объединяет все рассказанное в книге, – она посвящена актрисе, которую те, кто видел, забыть не смогут. Актрисе, о которой при ее жизни слагались легенды, а после ее смерти ей и по сей день приписывают все новые и новые изречения, будто она не играла в кино и театре, а сидела где-то в капище и всю жизнь, как пифия, изрекала мудрые мысли и предсказания.

И не только. Об этой актрисе уже сложили и продолжают слагать десятки анекдотов, якобы случившихся с ней. Очевидно, ее характер, образ мыслей, восприятие окружающего дают повод для такого мифотворчества. И если она не стала фольклорным персонажем вроде Василия Ивановича Чапаева, то, думаю, оттого, что ее собственное творчество оказывается сильнее мифа.

Это актриса на все времена – Фаина Григорьевна Раневская.

Она действительно была человек необычный. Необычность ее начинается с имени-отчества. В ее паспорте значилось: «Файна Григорьевна Раневская», но в жизни ее чаще всего называли Фаиной Георгиевной Раневской. И устно, и письменно.

– Почему? – спросил я.

– Может, мне хотят польстить? Ведь Гришка – Отрепьев, а Георгий – Победоносец!

В книге Раневская почти всегда действует под инициалами «Ф. Г.»

Право гения

Актерская психология мне представляется загадкой. Во всяком случае, объяснить ее, исходя из нормальной, повседневной логики, зачастую невозможно.

Ф. Г. вспомнила, как однажды пришла на обед к Качалову. Его дома еще не было – задержался на репетиции, – Раневскую встретила его жена. Через полчаса звонок. Входит Василий Иванович.

– Очень хорошо, что пришла, – говорит он Раневской. – Голодная? Сейчас же садимся. Качалов поправил пенсне, подошел к буфету и налил себе рюмку.

– Ну-с, очень хорошо, хорошо.

– Вася, у тебя что-нибудь случилось? – тревожно спросила жена.

– Нет, Ниночка, ничего, все очень хорошо.

– Что хорошо?

– Сегодня Владимир Иванович Немирович-Данченко отказал мне от роли Вершинина – и это очень правильно.

– Как?! Ты не будешь играть Вершинина? Как это можно?! А будет играть Болдуман – он моложе меня.

– Ну что ты, Ниночка, – Василий Иванович протер пенсне, – все очень правильно. Вершинин молод, а я уже не то. Ну, разве можно в меня влюбиться? – он надел пенсне. – Ну, посмотри?

Талант – это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности

– Но ты же мечтал играть эту роль. Я буду звонить, я это так не оставлю, – нервничала жена.

– Ничего не надо делать, Ниночка. Пойми, все правильно: в новом спектакле Вершинина будет играть Болдуман – он моложе меня, в него можно влюбиться. Все правильно, Ниночка.

А однажды Ф. Г. в случайном разговоре вдруг сказала мне о «праве гения», которым она, к сожалению, не обладает, ибо к лику гениальных причислить себя не может.

– Свинство не позволяет, – пояснила она.

– Право гения на что? – не понял я.

– Изумительное право не играть, если актер этого не может, – улыбнулась она.

Ф. Г. рассказала, как однажды Федор Иванович Шаляпин вышел уже в гриме на сцену в опере «Вражья сила» Серова. Отзвучал оркестр – певец молчит. Дирижер повторил вступление еще раз, затем другой... Шаляпин обвел грустными глазами зал, покачал головой и ушел со сцены.

К нему в уборную влетел владелец оперы – Зимин:

– Федор Иванович, что же это?! Аншлаг – публика вне себя!

Шаляпин посмотрел на него и тихо сказал:

– Не могу. Тоска.

И затем обратился к секретарю с распоряжением выписать Зимину чек на покрытие убытков.

– Хорошо право гения, если оно подкрепляется чековой книжкой! – улыбнулся я.

– О, в наше время это право умерло – может быть, вместе с гениями... Я не помню случая, – продолжала Ф. Г., – чтобы спектакль отменили по моей вине. Случается, что играть не хочется, – ну вот просто нет сил выйти на сцену. И нет настроения, желания общаться с партнерами. Павла Леонтьевна Вульф меня учила: в таком случае ни за что не насилуй себя, не нажимай на педали – играй спокойно – и настроение появится. Пребывай в тех обстоятельствах, в которые тебя поставила пьеса, действуй в этих обстоятельствах, нужное творческое самочувствие придет.

Василий Иванович Качалов в роли Гамлета

С Раневской я встретился в ноябре 1964 года. До этого я видел ее несколько раз.

Впервые – в 1947 году на премьере «Весны» в Зеленом театре. Премьера прошла со средним успехом: фильм показался громоздким, утомительным, а порой (например, в бутафорских опытах с солнечной энергией) и скучным. Восторг вызвали, пожалуй, только сцены Раневской и Плятта, особенно знаменитый кульбит на лестнице, фразы Маргариты Львовны: «Я возьму с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе!», разговор по телефону: «Скорую помощь! Помощь скорую! Кто больной? Я больной. Лев Маргаритович. Маргарит Львович».

Кстати, и этот текст придумала сама Ф. Г. Когда Александров пригласил ее сниматься в «Весне», то в сценарии Маргарите Львовне отводился один эпизод: она подавала завтрак своей знаменитой племяннице.

– Можете сделать себе роль, – сказал Александров.

Именно персонаж Раневской и оказался наиболее интересным в этом фильме. И смешным тоже. А без смеха какая комедия?!

После премьеры зрители ринулись к актерам. Меня подхватила толпа, и вдруг я увидел Раневскую. Она стояла возле машины, почти у самого парапета Москвы-реки, испуганная и чем-то обеспокоенная. Я запомнил ее глаза: они не замечали мальчишек, орущих «Муля!», а смотрели поверх толпы, словно ища спасения.

Позже я узнал (Ф. Г. рассказала об этом), что все объяснялось просто: премьера затянулась, Ф. Г. безумно проголодалась, а где-то среди зрителей затерялась ее учитель и наставник Павла Леонтьевна Вульф, с которой она собиралась ехать ужинать.

В следующий раз я увидел Раневскую лет десять – пятнадцать спустя – в радиостудии на Центральном телеграфе. Она изменилась, постарела, хотя глаза оставались такими же – большими и немного испуганными, только теперь к тому же и грустными.

Фаина Раневская и Ростислав Плятт в фильме «Весна»

Катя Дыховичная (редактор «Театра у микрофона») тогда сказала, что Раневская только что записалась в сценах из спектакля «Деревья умирают стоя». Я поздравил актрису поблагодарил ее и выразил надежду что мы все (рядом стояло несколько редакторов) скоро услышим премьеру этой записи. Ф. Г. неожиданно заплакала и сквозь слезы призналась, что недовольна собой, что она так мало сделала.

Я в то время работал на радио в отделе советской прозы и, набравшись смелости, предложил:

– Фаина Григорьевна, а не хотели бы вы записать что-либо из советских писателей?

– Отчего же, можно, – согласилась она. – Можно и из советских: важно, чтобы материал был для меня. Я ведь не чтица, я не умею читать, я могу сыграть рассказ, понимаете?

Любовь к Раневской зрителей известна. Слабый фильм 1963 года «Осторожно, бабушка!» вышел по посещаемости на первое место только потому, что в нем играла Раневская.

Дом актера устроил ее творческий вечер. Выступал Андроников – говорил хорошо, не выпуская из рук несколько листов бумаги, – и, хотя он почти не заглядывал в них, листки эти как бы свидетельствовали о серьезности речи, ее продуманности, отсутствии «юбилейного захлеба». Ираклий Луарсабович процитировал высказывание Рузвельта, посмотревшего в 1944 году «Мечту» (оно было напечатано в журнале «Лук»): «Мечта», Раневская – очень талантливо. На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская – блестящая трагическая актриса».

На вечере в ее честь, устроенном ВТО, Раневская вышла на сцену в самом конце вечера. Актеры ей преподнесли цветы, ВТО вынесло пышную корзину.

Ф.Г. кланялась, снова выходила на аплодисменты, тихо говорила «Спасибо, спасибо» и чувствовала себя, как она рассказала позже, отвратительно.

– Терпеть не могу юбилеев и чествований. Актер сидит как истукан, а вокруг него льют елей и бьют поклоны. Это никому не нужно. Актер должен играть. Что может быть отвратительней сидящей в кресле старухи, которой курят фимиами по поводу ее подагры. Такой юбилей – триумф во славу подагры. Хороший спектакль – вот лучший юбилей.

Роль мадам Розы Скороход, хозяйки меблированных комнат в фильме «Мечта», открыла огромное трагическое начало в таланте Фаины Раневской

Ф. Г. сказала мне это в дни, когда театр настаивал (и безуспешно) на праздновании ее 70-летия.

А тогда, в ноябре шестьдесят четвертого, в редакции мне поручили готовить новогоднюю радиопередачу «Веселые страницы». Я хотел построить ее на классике: Бабель, Зощенко, Ильф и Петров и, может быть, Катаев двадцатых годов. Стал думать об исполнителях. А что, если... Ведь Раневская обещала прочитать рассказы советских писателей.

Звоню Ф. Г.

– Я ведь вам сказала, – говорила она, – что я не чтица, мне нужно играть рассказ.

– Может быть, сами что-нибудь подберете?

– Хорошо, привозите рассказы. Я посмотрю. Все может быть. Я объясняю, насколько все это важно и нужно и для радио,

и для слушателей, и для меня, что Зощенко в новогодней передаче, да еще в исполнении Раневской, украсит всю программу.

– О нет! Только не торопите меня, – сказала Ф. Г. – Я посмотрю, выберу. Если найду возможным что-либо прочитать, тогда мы уж будем говорить о записи. В общем, привезите мне рассказы.

Я был рад несказанно. Товарищи по работе, в частности Катя Дыховичная, отнеслись к моей радости скептически. Катя говорила, что Раневская непременно откажется, а если и запишется, то потом может забраковать и запись, и самое себя.

– Ты не знаешь, как она относится к своей работе, – говорила Катя, – это тебе не N. N. записывать, который любой рассказ с листа читает.

На следующий же день я поехал к Ф. Г. На звонок вышла она сама – в черном до пят халате и с гардинной палкой в руках.

– Откуда вы? Что это? – удивилась она.

– Я с радио, – сказал я. – Это книга.

Кадр из фильма «Осторожно, бабушка!»

– Голубчик, как же так можно без звонка? У меня ремонт – я не могу принять вас.

– А я только привез вам рассказы. Я забежал по пути на работу – соврал я. – А то ведь времени до Нового года остается не так уж много.

– Спасибо, спасибо, – сказала Ф. Г. – Извините меня, что не могу принять вас. Позвоните мне, пожалуйста.

Я начал звонить Ф. Г. И, очевидно, очень быстро успел надоест ей, ибо уже после второго или третьего звонка она сказала:

– Я выбрала кое-что. Если у вас есть желание и найдется время, приезжайте – я хотела бы прочитать вам, посоветоваться, подойдет ли это для вас. Когда вы сможете приехать?

– В любое удобное для вас время.

– Ну, приезжайте сегодня, сможете? – В тот же день я был у нее.

Рассматривать квартиру показалось неудобным. Стены были сплошь увешаны картинами, рисунками и фотографиями. Одно я успел заметить – нигде не фигурировала хозяйка. Простая, далеко не новая мебель – ее совсем немного: только самая необходимая или даже менее того. Но во всем чувствовался вкус и свой стиль, ненавязчивый, не бросающийся в глаза, не рассчитанный на восторг или неприятие. Запомнилось изобилие света – во всех комнатах горели все люстры, бра, настольные лампы и торшеры.

И хотя я пришел с деловым визитом, стеснение и неловкость поначалу не покидали меня. Но вот Ф. Г. заговорила, ее глаза смотрели внимательно и дружелюбно. Под этим взглядом, казалось, тысячу раз виденным с экрана, делалось легко, свободно и хотелось быть лучше.

Мы заговорили о Зощенко, его непростой судьбе, и я неожиданно для себя рассказал, как работал над главой о Михаиле Михайловиче для многотомной «Истории советской литературы», как не хватало мне живых свидетельств современников писателя.

Михаил Зощенко

– А вы не были знакомы с ним? – спросил я.

– Очень мало. Последний раз я его видела году в пятьдесят пятом. Он приехал в Москву и был в гостях у Пешковой – там, знаете, в горьковском доме на Малой Никитской. Был накрыт роскошный стол. Зощенко сидел очень печальный. Он раскланялся, и на лице его промелькнуло подобие улыбки. К еде он не притронулся.

Я не заметил, как пролетело два часа. Раневская прочла мне рассказ Зощенко «Пациентка» – о немолодой женщине, которая пришла к сельскому хирургу-фельдшеру не лечиться, а рассказать о своих переживаниях. Читала она неторопливо, как бы примеряясь к героям, но уже сочувствуя им, живя их волнениями. Слушая Раневскую, я по-новому воспринял рассказ героини. Раневская почувствовала в ней зощенковскую боль, которую не сразу и заметишь, ту частицу его «великой грусти», которую он всегда испытывал, видя ничтожность своих героев, смеясь над ними или сострадав им.

– Вот видите, это совсем не смешно, – заметила Ф. Г. – А ведь вам нужно смешное – в Новый год люди хотят веселиться... Боюсь, что это не подойдет.

Я стал уверять, что программа вовсе не рассчитана на сплошной хохот, что в ней найдется место и лирике.

– Хорошо, – сказала она, – я еще подумаю, почитаю, посмотрю. Здесь много замечательных рассказов, но боюсь, они не для меня – я ведь не чтица. Но я посмотрю еще...

«Кинопанорама» и другие

– Сегодня, когда ехал к вам на девятнадцатом, весь троллейбус обсуждал вчерашнюю передачу Каплера (популярную в то время «Кинопанораму». – *Ред.*), – сообщил я.

– Я все хотела вас спросить, – перебила меня Ф. Г., – где вы ходите? У Яузских ворот?! Голубчик, я же просила вас – проезжайте на одну остановку дальше. Возле этих жутких трущоб нельзя и минуты находиться: не ровен час, обчистят карманы или, того хуже, пырнут ножом.

Кадр из фильма «Легкая жизнь». 1964 г.

– Ну, что вы! – засмеялся я. – Не во времена же Хитровки живем!

– А что изменилось? Когда я приехала сюда, на Котельническую, – это сорок восьмой год, кажется, – в этих жутких кварталах, спускающихся к реке, поверьте, все было как до революции. Только жителей стало вдвое больше. Мы с Павлой Леонтьевной (любимой своей учительницей и режиссером, которую она называла мамой. – *Ред.*) пошли гулять, так, увидев эту клоаку, женщину в драной ситцевой кофте – она набирала в ведро воду из колонки: там же ни водопровода, ни канализации, – «мама» сказала мне: «Фаина, мы попали в прошлый век. Никому не говори об этом. Это в столице государства, которое тридцать лет трубит, что оно для трудящихся».

И она оказалась права: прошло еще двадцать лет, и я сама видела, как грязные дети плескались у той же самой колонки – она возле трамвайной остановки. И рядом – наш небоскреб для избранных, последнее воплощение сталинского размаха! Вы плохо представляете, каким он был, когда я въехала. Скоростные лифты, холлы с мягкой мебелью, ковры на лестницах белого мрамора, прорва услуги. И всюду охрана – в каждом подъезде привратники и лифтеры, которые бдели круглые сутки, чтобы, не дай бог, простые трудящиеся не увидели, как живут их слуги.

Сейчас дом, конечно, поплошал – слуг народа в нем стало меньше, поразъехались в новые дома получше, а трущобы у реки все те же. Я не раз говорила Таньке Тесс (известная в те времена журналистка. – *Ред.*):

– Ну, раз ты так обожаешь контрасты, ради них мотаешься по пять раз на год то в Париж, то в Лондон, то в Ниццу, напиши об этих кварталах у Яузы – таких контрастов нигде днем с огнем не сыщешь!..

Котельническая набережная в Москве

Я предложил Ф. Г. все же пойти погулять – день отличный и жара уже спала.

– Только не к Яузе! Туда я больше ни ногой! – предупредила Ф. Г. – Я проведу вас лучше к Таганке, к торговым рядам. Накупим там требухи, свиных ножек, наварим холодца и станем с ним у пивной на Хитровке. Эх, родился я на полвека раньше!..

Мы двинулись по маршруту, и тут Ф. Г. вдруг спросила:

– Так что вы говорили о Каплере?

Я рассказал о вчерашней «Кинопанораме», в которой Алексей Яковлевич посвятил несколько страниц несчастным судьбам детей Голливуда – Джеки Кугана, Ширли Темпл, Джуди Гарленд, которых эксплуатируют, пока они приносят доход, а потом бросают на произвол судьбы.

– Люся так и сказал? – удивилась Ф. Г.

– Ну, приблизительно. И еще об их покалеченном детстве. И фрагменты показал прекрасные!

– А о том, что и Кутан, и эта девочка Темпл стали миллионерами, он не говорил? Вот вам и Каплер, бесстрашный человек! Что делает ваше говенное телевидение с людьми! Люся чудный, добрый и умный человек. Настоящий мужчина, лихой до безрассудства. Ему же все в Ташкенте твердили: «Что ты делаешь? Ты – автор фильмов о Ленине! Оставь этот роман со Светланой. Сталин узнает – не сносить тебе головы!» А он – не знаю, так уж любил Светлану или просто пошел ва-банк, но наплевал на все знамения, и его сгноили бы в лагерях, если б «отец народов» не дал дуба.

Алексей Каплер

– Но он прекрасно ведет «Кинопанораму», – встал я на защиту Каплера, – его все любят, и если он и сказал там что-то о несчастных голливудских детях, то, по-моему, только для того, чтобы показать великолепные фрагменты из фильмов, которых мы никогда не видели!

– Он тут звонил мне, предлагал у него выступить, – Ф. Г. махнула рукой. – Только мне и лезть на телевидение! Я пыталась отшутиться: «Представляете – мать укладывает ребенка спать, а тут я своей мордой из телевизора: «Добрый вечер!» Ребенок на всю жизнь заикой делается!» – «Дети, Фаиночка, в это время уже спят», – уговаривал он. – «Ну что же, тогда еще хуже, – сказала я, – жена с мужем выясняют отношения, и только он решил простить ее – тут я влезаю в их квартиру «Боже, до чего отвратительны женщины!» – понимает он, и примирение разваливается!» – «Но зрители ждут вас! – нажимал Люся. – Я получил сотни писем с просьбами пригласить вас к экрану. Вас увидят миллионы!» – «Сколько? – ужаснулась я. – Я просто умру со страху. И вы, как Раскольников, будете стоять над мертвой старухой! Нет уж, дорогой Люсенька, я скорее соглашусь станцевать Жизель, чем выступить по телевидению!»

– Вы действительно так испугались? – спросил я.

– Так или не так, какая разница! Вы опять задаете пустые вопросы! В конце концов, имею я право на кокетство если не как женщина, то хотя бы как актриса?! Между прочим, Каплер, не приняв мой отказ, пообещал отомстить мне в следующей же передаче. «И месть будет страшной!» – пригрозил он. Жаль, что я ее не увижу...

– Почему вы не любите телевидение? – спросил я.

– Наконец-то нормальный вопрос! – обрадовалась Ф. Г. – Может быть, потому, что я люблю смотреть кино. В кинозале, с людьми, на большом экране. И не приемлю эти телевизоры с изображением в коробку «Казбека», с идиотскими линзами-аквариумами. Не могу к этому привыкнуть... Впервые я увидела «аппарат дальновидения» – так он тогда назывался – в 1939 году. Мы снимали «Подкидыш» и вечером пошли в гостиницу «Москва» – там в холле стоял опытный образец чудо-аппарата. Все ахали от восторга. А я смотрела: да, чудо, актеры где-то работают, а мы их видим здесь. Чудо, но меньшее, чем то, что поразило меня в детстве, когда фокусник в цирке распилил даму на две части – голову отдельно от ноги, и эти части, разнесенные в разные стороны, вдруг зашевелились. В тот же миг я расплакалась от ужаса! А тут глядела и оставалась равнодушной. Не волнует меня телевидение и сегодня.

Фаина Георгиевна не любила телевизоры и отказывалась от съемок в телепередачах

Мы дошли до садика, в котором стоял мраморный бюст Радищева.

– Вот куда я вас вела, – обрадовалась Ф. Г. – Здесь уютно и тихо, никто не знает ни памятника, ни садика – ни пионеры, ни алкоголики. Можно спокойно посидеть и выкурить наконец сигарету!

Отдышавшись, она продолжала:

– Представляю, сколько благоглупостей звучит с экрана! Об одних «Голубых огоньках» я столько слышана. С меня хватит и радио. Утром, когда у меня работает моя «точка», я хоть могу мазать хлеб маслом и пить чай, не уставаясь, как умалишенная, в экран. И радио-благоглупостей на мою жизнь мне достает! Я же давала вам свой список горестных заметок. Выбросили, наверное?..

Позже я нашел этот листок, на котором Ф. Г. выписала идиотизмы, прозвучавшие по радио. Это главным образом названия передач вроде: «Знаете ли вы мир прекрасного?», «В гостях у Федькиных», «Искусство сближает сердца», «В вихре танца»...

– А почему бы вам не посмотреть, как Каплер отомстит вам? – спросил я. – Это же интересно!

– Нисколько. Это во-первых. А во-вторых, где? К соседу, Риме Кармену не пойду: и дома его чаще всего нет, и странно это: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Нет-нет! К Галине Сергеевне (Улановой) можно, но тоже надо заранее предупредить ее, она не откажет, но будет менять свои планы, куда-то не пойдет. А сидеть с ней – одно удовольствие: за вечер проронит две-три фразы. Вот, пожалуй, к кому можно смело идти, так это к Лиде Смирновой. Открытая душа, и мне будет рада. Искренне, без притворства! Расскажет в лицах о своем новом романе, да так, что и про передачу забудем! Когда мы с ней снимались в этом михалковском дерьме «У них есть Родина», мы так дружно страдали по своим возлюбленным – слезы лились в четыре ручья!..

Вы опять начинаете о моей роли! Я же не об этом. Да, фрау Вурст у меня получилась. Вурст – по-немецки колбаса. Я и играю такую толстую колбасу, наливающую себя пивом. От толщинок, которыми обложилась, пошевелиться не могла. И под щеки и под губы тоже чего-то напихала. Не рожа, а жопа.

В роли фрау Вурст в фильме «У них есть Родина». 1948 г.

Но когда я говорю о михалковском дерьме, то имею в виду одно: знал ли он, что всех детей, которые после этого фильма добились возвращения на Родину, прямым ходом отправляли в лагеря и колонии? Если знал, то тридцать сребреников не жгли ли руки?..

И вот вам дополнение к вопросу о жутких судьбах детей в Голливуде. Только на этот раз не об ихних, а о наших. Непросто ведь здесь все!

Ф. Г. закурила и после паузы продолжала:

– Вот вам один пример. Я дважды снималась не с девочкой, а с живым чудом – с Наташей Защипиной. Вы знаете эти картины – «Слон и веревочка» и эта самая – «У них есть Родина».

Я сначала боялась Наташи, все актеры боятся играть с детьми: они ведь не играют, а живут, так верят в происходящее, что разоблачают любого актера, который такой веры не нашел.

Неожиданно мы подружились. Может, оттого, что я вообще не умею сюсюкать и говорила с Наташей как со взрослой. А ей было шесть лет! Кроха! Это сорок пятый год, только война кончилась. Она приходила ко мне в уборную и наблюдала, как меня гримируют.

– Тебе интересно играть в мою бабушку? – спрашивала.

– Интересно.

– А ты меня уже любишь? – снова спрашивала она, когда мне натягивали парик.

– Я тебя всегда люблю, – говорила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.